

DOI 10.15393/j9.art.2015.3444

УДК 821.161.1.09“18”-3

Ольга Владимировна Захарова*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ovzakh05@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ БЫЛИНЫ У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Аннотация. Роль Достоевского в изучении русского фольклора давно является предметом исследования как фольклористов, так и литературоведов: в критике определен круг фольклорных источников, идей, жанров, сюжетов, мотивов, тем, которые писатель выразил в своем творчестве. В ряду его художественных открытий следует назвать оригинальную концепцию былины как фольклорного и литературного жанра. В освоении фольклора Достоевский вышел за пределы традиционного понимания фольклоризма. Он был единственным, кто в былине отметил такой признак, как соприкосновение «с красотой высшей, с красотой идеала». В былине выразилось «всё мировоззрение народа», «его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы». Опираясь на фольклорную концепцию, Достоевский создал концепцию былины как литературного жанра, который способен выразить смысл русской истории, русский взгляд на жизнь, русскую идею. В его былинах нет богатырей, но есть подвиги обыкновенных людей. Их содержанием становились ключевые эпизоды и поворотные моменты русской и мировой истории, в которых обновлялось христианство, проявлялась русская будущность. По его мнению, такие былины из русской истории «могли бы быть великою национальною книгой», «послужить к возрождению самосознания Русского человека». Достоевский не осуществил свой замысел, он лишь ограничился тем, что создал концепцию жанра, дал его литературный образец, подробно изложив содержание одной из былин, и отдал свой замысел поэту А. Н. Майкову, который не смог реализовать их общую творческую идею. Несмотря на отсутствие творческого результата, концепция былины у Достоевского заслуживает внимания критиков и поэтов как жанровое открытие писателя.

Ключевые слова: фольклор, былина, жанр, русская история, Достоевский, А. Н. Майков

Фольклоризм Достоевского основательно изучен в трудах Н. К. Пиксанова [13], Дж. Гибиана [14], В. Е. Ветловской [1], [2], В. П. Владимирцева [3], [4], [5], В. А. Михнюкевича [10], [12] и др.: определен круг источников, идей, жанров,

сюжетов, мотивов, тем, которые вошли в художественный мир писателя. Тип героя и явление богатырства у Достоевского в сравнении с Гоголем проанализированы в статьях Капустиной [7], [8], [9].

У Достоевского была оригинальная концепция былины как фольклорного и литературного жанра. Как фольклорный жанр она описана в статье В. А. Михнюкевича [11], но исследователь не выявил степень оригинальности в понимании этого жанра писателем. *Былина* не выделена и в исследовании о жанрах и жанровой системе Достоевского [6], хотя ее жанровая концепция у Достоевского имеет безусловный литературный и теоретический интерес.

Концепцию былины в критике Достоевского можно реконструировать исходя из суждений писателя о Пушкине и русском духе, из его полемики об образовании, народе и красоте.

Достоевский был, пожалуй, единственным, кто в былине отметил такой признак жанра, как соприкосновение «съ красотю высшей, съ красотю идеала»¹.

В былине, как в народных песнях, преданиях и сказаниях, выразилось «всё мировоззрение народа», «всё что любит и чтит народ», «его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы»².

Опираясь на фольклорную концепцию, Достоевский создал свою концепцию былины как литературного жанра, которую он подробно изложил Ап. Майкову 15/27 мая 1869 года, отвечая на его апрельское письмо, написанное в день похорон поэта Н. Ф. Щербины (умер 10 апреля).

Диалог поэта и романиста имеет важное литературно-критическое значение.

А. Н. Майков задумал цикл рассказов из русской истории для учащихся начальных школ, которые могут быть полезны «и чиновникамъ и свѣтскимъ дамамъ». Он исходил из того, что имеющиеся исторические сочинения сухи, тенденциозны, рассудочны, не достигают своей цели. Нужна другая — «живая исторія»:

Я беру только капитальные эпохи, приурочивая ихъ къ извѣстнымъ для всѣхъ именамъ, и пишу живую исторію, пишу чувствомъ и воображеніемъ, чтобы заставить почувствовать и вообразить³.

Ап. Майков кратко раскрыл свой замысел исторических рассказов, которые должны создать «въ душѣ читателя <...> представление о Россіи»:

Первый рассказъ: Владиміръ и принятіе христіанства. 2) Александръ Невскій: нашествіе Татаръ, его страдальчество за русскую землю, или заповѣданное терпѣніе русскому народу. 3, Москва: [бѣдн] маленькій князь Ив<анъ> Данилычъ и бесѣды его съ митрополитомъ Петромъ, собираніе земли, Донской. 4. Взятіе Царьграда Турецкимъ султаномъ Магометомъ II, возникновеніе Третьяго Рима (Москва) бракъ съ Софьей, гербъ, упованіе востока, новая роль московскихъ царей, т. е. Иванъ II, Василій, Иванъ IV — покореніе магометанскихъ царствъ, и требованія отчины Кіева и русскихъ земель отъ Литвы. Во всей исторіи проходятъ два врага Россіи: Азія и Европа, тогда олицетворяемая Папой. Это все ужъ написано. 5^е будетъ: Троицкая Лавра, т. е. [18] 1612 годъ, 6^я Кіевъ — судьбы Западной Россіи, Богданъ Хмѣльницкій. 7^я Петръ: о Петрѣ мысль такая: апогея Москвы — Иванъ IV. Потомъ потрясеніе іезуитами и Польшей, Романовы — реставрація. Къ Петру уже возвращается Россія на ту точку, какъ была за нѣсколько лѣтъ до смерти Грознаго, (т. е. до Баторія) и Петръ продолжаетъ Ивана IV, который продолжаетъ Ивана III. Завоеваніе Балтійскаго моря, и въ Турецкихъ войнахъ его — пробужденіе православія на Балканѣ, гдѣ его царствованіе есть эра. Вотъ пока бы эти еще три рассказа написать и издамъ. 8^я объ Екатеринѣ — не сформировался въ идеѣ, но думаю, что это продолженіе Петра. 9. Европа проговорилась: нашествіе двадцати языковъ. 10, сбросила маску: крымская война. 11. Освобожденіе крестьянъ /т. е. исторія сословій и освобожденія/ крестьянъ/, характеръ его въ восточной Россіи и въ западной — тамъ довѣріе сословію, здѣсь вражда и слѣдствіе того польскій бунтъ⁴.

Свой замысел поэт реализовал частично. Его апрельское письмо предваряло публикацию в майском номере журнала

«Заря» за 1869 год первого рассказа «О святых Московских митрополитах Петре и Алексее и о славном Мамаевом побоище». Второй рассказ, опубликованный в августовском номере «Зари», включал следующие сюжеты: «I. Взятие турецким султаном Магометом II Константинополя. II. Москва — третий Рим. III. Покорение при царе всея Руси Иване Васильевиче Грозном мусульманских царств: Казанского, Астраханского и Сибирского»⁵. Эти публикации соответствуют третьему и четвертому эпизодам из изложенного Достоевскому замысла.

Достоевский отвечал А. Н. Майкову 15/27 мая 1869 года из Флоренции. Если на первую майскую публикацию поэта в «Заре» Достоевский не мог повлиять, то «второй рассказ» написан с учетом советов писателя.

Майков надеялся, что напишет поэтически, жаловался, что приходится много читать, «пока у самого не будет ясно въ головѣ»⁶, выражал уверенность в успехе Достоевского, возьмишь он за дело.

Достоевский пытался вдохновить друга и поэта, напомнив обстоятельства их прошлогодней переписки:

...я писалъ къ Вамъ, полный серьезнаго и глубокаго восторга, о *новой идее*, пришедшей мнѣ въ голову, собственно для Васъ, для Вашей дѣятельности, — (т. е. если хотите идея пришла сама по себѣ, какъ нѣчто самостоятельное и для меня вполнѣ цѣлое, но такъ какъ самъ себя я никоимъ образомъ не могъ считать возможнымъ исполнителемъ этой идеи, то назначилъ ее, въ желаніяхъ моихъ, для Васъ, естественно. Так даже, что можетъ она и родилась-то во мнѣ именно, какъ я уже сказалъ, *для Васъ*, или лучше сказать не раздѣльно съ образомъ Вашимъ, какъ поэта)⁷.

Новая творческая идея заключалась в разработке отдельных эпизодов русской истории в поэмах.

18 февраля/1 марта 1868 года Достоевский писал Майкову:

Ваша «Софья Алексѣвна» — совершенная прелесть, но у меня мысль махнула: Какъ-бы хорошо могло-бы быть, елибъ вотъ этакая «Софья Алексѣвна» очутилась эпизодомъ въ *цѣлой поэмѣ* изъ того времени, т. е. *поэмѣ раскольничей*,

или въ романѣ въ стихахъ изъ того времени. Неужели Вамъ такія намѣренія никогда не заходятъ въ голову? А такая поэма произвела-бы огромный эффектъ⁸.

Отклик Достоевского обрадовал поэта:

Чуть не по поводу каждого стихотворенія вы мнѣ говорите сдѣлать бы изъ него поэму. Это мнѣ очень пріятно: значитъ штука возбуждаетъ воображеніе, значитъ хватилъ вѣрно, — это и дѣло поэзіи двумя чертами возбудить образы, цѣлую драму, сквозь строкъ, значитъ, сквозитъ цѣлый міръ. Слабость ли это, — но я этимъ доволенъ, и претензій далѣе не простираю. Поэмы же писать — скучно! всталъ, пошелъ, пріѣхалъ... Полонскій который разъ ужь обрывается!⁹

Ап. Майков считал, что поэма в современной литературе переродилась в другой жанр — она стала романом:

Поэма наша — это романъ, и романъ не въ стихахъ. Поэмы то — вы пишете!¹⁰

Месяц спустя 20 марта/2 апреля 1868 года Достоевский снова возвратился к своей идее, которой он хотел увлечь Майкова:

У меня есть одна мысль, для Васъ, но она требуетъ особаго изложенія, въ цѣломъ письмѣ, а теперь некогда. Скоро напишу. Мысль эта по поводу Вашей «Софьи Алексѣвны» у меня зародилась. И повѣрьте что серьезно, не смѣйтесь. Сами увидите что это за мысль! Я изложу. Это не романъ и не поэма. Но это такъ нужно, такъ будетъ необходимо, и такъ будетъ оригинально и ново и съ такимъ необходимымъ, русскимъ направлениемъ, что сами ахнете! Я Вамъ изложу програму. Жаль что не въ живомъ разговорѣ, а на письмѣ. Этимъ прославиться можно будетъ и, главное, это даже *надо* будетъ собою книгой издать, напечатавъ нѣсколько отрывковъ предварительно, а книга *должна* будетъ разойтись въ громадномъ числѣ экземпляровъ¹¹.

Год спустя, в цитированном майском письме 1869 года, Достоевский возвращается к этой идее.

В его концепции нового литературного жанра («неромана» и «непоэмы») ключевым понятием становится *былина*. Он не настаивает на этом понятии — его «ряд былин» можно

назвать «балладами, песнями, маленькими поэмами, романами» («как хотите»):

...идея моя состояла тогда въ томъ — (теперь я скажу только нѣсколько словъ про нее) — что могъ-бы появиться, въ увлекательныхъ, обаятельныхъ стихахъ, — въ такихъ стихахъ, которые сами по себѣ, безо всякаго усилія, наизусть заучиваются — что всегда бываетъ съ глубокими и прелестными стихами, — могъ-бы появиться, говорю я, рядъ былинъ (балладъ, пѣсней, маленькихъ поэмъ, романсовъ какъ хотите назовите; тутъ ужъ сущность и даже размѣръ стиховъ зависятъ отъ души поэта и являются вдругъ, совершенно готовые въ душѣ его, даже независимо отъ него самого...¹²

Сущность былины близка поэме. Как и поэма, она является таким жанром, в котором автор «даже не онъ и творецъ, а жизнь, могучая сущность жизни, богъ живой и сущій, совокупающій свою силу въ многообразіи созданія *мѣстами*, и чаще всего въ великомъ сердцѣ и въ сильномъ поэтѣ, такъ что если не самъ поэтъ творецъ, — (а съ этимъ надо согласиться, особенно Вамъ какъ знатоку и самому поэту, потому что вѣдь ужъ слишкомъ цѣльно, окончательно и готово является вдругъ изъ души поэта созданіе) — если не самъ онъ творецъ, то по крайней мѣрѣ душа-то его есть тотъ самый рудникъ, который зарождаетъ алмазы и безъ котораго ихъ нигдѣ не найти»¹³.

В этом письме Достоевский дал концепцию былины как нового литературного жанра, который способен выразить смысл русской истории, русский взгляд, русскую идею:

Ну такъ вотъ, въ этомъ рядѣ былинъ, въ стихахъ (представляя себѣ эти былины, я представлялъ себѣ иногда Вашъ Констанскій соборъ) — воспроизвести, съ любовью и съ *нашею мыслию*, съ самага начала, съ русскимъ взглядомъ, — всю русскую исторію, отмѣчая въ ней тѣ точки и пункты, въ которыхъ она, временами и мѣстами, какъ-бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдругъ, во всемъ своемъ цѣломъ. Такихъ всевыражающихъ пунктовъ, найдется, во все тысячелѣтіе до десяти, даже чуть-ли не больше. Ну вотъ схватить эти пункты и рассказать въ былинѣ, *всѣмъ и каждому*, но не какъ простую лѣтопись, нѣтъ, а какъ сердечную поэму, даже безъ строгой

передачи факта (но только съ чрезвычайною ясностію) схватить главный пунктъ, и такъ передать его, чтобъ видно съ какой мыслию онъ вылился, съ какой любовью и мукою эта мысль досталась. Но безъ эгоизма, *безъ словъ отъ себя*, а наивно, какъ можно *наивнѣе*, только чтобъ одна любовь къ Россіи была горячимъ ключомъ — и болѣе ничего¹⁴.

Эти былины (баллады, поэмы) «могли бы быть великою національною книгой и послужить къ возрожденію самосознанія Русскаго человѣка много. Помилуйте Аполлонъ Николаевичъ! да вѣдь эти поэмы, всѣ мальчики въ школахъ будутъ знать и учить наизусть. Но заучивъ поэму, онъ заучитъ вѣдь и мысль и взглядъ, и такъ-какъ этотъ взглядъ вѣренъ, то на всю жизнь въ *душѣ* его и останется. Такъ какъ это стихи и поэмы, сравнительно короткія, то вѣдь весь міръ читающій русскій прочтетъ ихъ, какъ Констанскій соборъ, который многіе до сихъ поръ наизусть знаютъ. И потому — это не просто поэмы и литературное занятіе, — это наука, это проповѣдь, это подвигъ»¹⁵.

Призывая поэта к подвигу, Достоевскій не только дал оригинальную концепцію былины какъ литературнаго жанра, но и, по сути дела, дал его образецъ — изложилъ содержаніе одной задуманной былины:

Вообразите себѣ, что въ третьей или въ четвертой былинѣ (я ихъ всѣ въ умѣ тогда сочинилъ и долго потомъ сочинялъ) у меня вышло взятіе Магометомъ¹⁶ 2^{мѣ} Константинополя (и это прямо и невольно явилось какъ былина *изъ Русской исторіи*, сама собою и безъ намѣренія; потомъ я самъ подивился какъ, безъ всякаго сомнѣнія и даже безъ обдумыванія и безъ сознанія, у меня такъ пришлось, что, взятіе Константинополя, я причелъ прямо къ *Русской исторіи* не усумнившись нимало). Вся эта катастрофа въ наивномъ и сжатомъ разсказѣ: турки облегли Царьградъ тѣсно; послѣдняя ночь передъ приступомъ, который былъ на зарѣ; послѣдній Императоръ, ходитъ по дворцу —

(«Король ходитъ большими шагами»)

идетъ молиться образу Влахернской Божіей Матери; Молитва; приступъ, бой; Султанъ съ окровавленной саблей вѣзжаетъ

въ Константинополь. Трупъ послѣдняго Императора отыскиваютъ по приказанію султана въ кучѣ убитыхъ, узнаютъ по орламъ вышитымъ на сапожкахъ, Святая Софія, дрожащій Патріархъ, послѣдняя обѣдня, Султанъ не слѣзая съ коня, скачетъ по ступенямъ въ самый храмъ (historique), доскакавъ до середины храма останавливаетъ коня въ смущеніи, задумчиво и съ смятеніемъ озирается и выговариваетъ слова: «Вотъ домъ для молитвы Аллаху!» За тѣмъ выбрасываютъ иконы, престоль, ломаютъ алтарь, становятся мечеть, трупъ Императора хоронятъ, а въ Русскомъ царствѣ, послѣдняя изъ Палеологовъ является съ двуглавымъ орломъ вмѣсто приданого; русская сватба, Князь Иванъ III въ своей деревянной избѣ вмѣсто дворца, и въ эту деревянную избу переходитъ великая идея о всеправославномъ значеніи Россіи и полагается первой¹⁷ камень о будущемъ главенствѣ на Востокѣ, расширяется кругъ Русской будущности, полагается мысль, не только великаго государства, но и цѣлаго новаго міра, которому суждено обновить христіанство, всеславянской православной идеей и внести въ человѣчество новую мысль, когда загніетъ Западъ, а загніетъ онъ тогда, когда папа исказитъ Христа окончательно и тѣмъ зародитъ атеизмъ въ опоганившемся, западномъ человѣчествѣ.

Да и не эта одна мысль объ этой эпохѣ: была у меня мысль, рядомъ съ изображеніемъ деревянной избушки и въ ней умнаго, съ величавой и глубокой идеей Князя, въ бѣдныхъ одеждахъ Митрополита сидящаго съ Княземъ, и прижившейся въ Россіи «Ооминишны» — вдругъ, въ другой уже баладѣ перейти къ изображенію конца пятнадцатаго и начала 16го столѣтія въ Европѣ, Италіи, Папства, искусства храмовъ, Рафаэля, поклоненія Аполлону Бельведерскому, первыхъ слуховъ о Реформѣ, о Лютерѣ, объ Америкѣ, объ золотѣ, объ Испаніи и Англии, — цѣлая, горячая картина, въ #^{mb} <параллель> со всѣми предыдущими русскими картинами, — но съ намеками о будущности этой картины, о будущей наукѣ, объ атеизмѣ, о **правахъ** *человѣчества*, сознанныхъ по Западному а не по нашему, чтò и послужило источникомъ всего, что есть и что будетъ¹⁸.

Продолжая диалог, Достоевский изложил еще несколько сюжетов задуманных былин:

Въ горячей мысли моей я думалъ даже, что не надо кончать былины на Петрѣ напимѣрѣ, объ которомъ непремѣнно нужно особенное хорошее слово и хорошая поэма-былина съ смѣлымъ и *откровеннымъ* взглядомъ, *нашимъ* взглядомъ. Я-бы прошелъ до Бирона, до Екатерины и далѣе — я-бы прошелъ до освобожденія крестьянъ и до боярѣ, разсыпавшихся по Европѣ съ послѣдними кредитными рублишками, до барынь блядующихъ съ Боргезанами, до семинаристовъ, проповѣдующихъ атеизмъ, до всегуманныхъ и всесвѣтныхъ гражданъ русскихъ графовъ, пишущихъ критики и повѣсти и т. д. и т. д. Поляки бы должны были занять много мѣста. Затѣмъ кончилъ-бы фантастическими картинами будущаго: Россіи черезъ два столѣтія, и рядомъ померкшей, изтерзанной и оскотинившейся Европы, съ ея цивилизаціей. Я-бы не остановился тутъ ни передъ какой фантазіей...

Вы считаете меня въ эту минуту конечно за сумасшедшаго, собственно и главное за то, что я такъ расписался, потому что обо всемъ этомъ надо говорить лично, а не писать, ибо въ письмѣ ничего понятно не передашь. Но я разгорячился¹⁹.

Возвращаясь к шестнадцатому веку, Достоевский затронул еще один сюжет, в котором выражаются государственная идея, «русское *чувство*, православное чувство единения с русским корнем»:

Объ Ермакѣ-же ничего Вамъ сказать не могу; вы конечно лучше знаете. По моему сначала казачье — удалство — бродяжничество и разбой. Потомъ уже указывается гениальный человекъ подъ баранымъ тулупомъ; угадываетъ колоссальность дѣла и будущее значеніе его, но уже тогда когда почти все дѣло пошло на ладъ и удачно обдѣлалось. Тутъ рождается русское *чувство*, православное чувство единенія съ русскимъ корнемъ, (даже непосредственное можетъ быть чувство въ родѣ тоски) — а изъ того выходитъ посольство и челобитье великому государю, выражающему въ понятіяхъ народа вполнѣ русскій народъ. (NB. Главное и полнѣйшее выраженіе этого

понятія дошло до полного, послѣдняго своего развитія, знали ли когда по моему? Въ нашемъ столѣтїи. Разумѣется я говорю объ народѣ, а не о прогнившихъ боярахъ и семинаристахъ)²⁰.

Достоевскій вдохновенно увлекалъ поэта, убеждал, что в этих былинах заключается его будущая поэтическая карьера:

Когда я прошлаго года хотѣлъ писать Вамъ и склонить Васъ, чтобъ Вы приняли за эту мысль, я думалъ про себя: да какъ я передамъ ему, чтобъ онъ понялъ меня совершенно? — и вдругъ, черезъ годъ, вы сами *вдохновляетесь той же* самой идеей и *находите нужнымъ* ее писать! Значитъ идея вѣрна! Но одно, одно надо и непременно: Надо чтобъ поэмы были необыкновенной поэтической прелести, чтобъ увлекли и увлекли непременно, увлекли до невольнаго заучиванія. Другъ мой! вспомните, что можетъ быть вся ваша поэтическая карьера, до сихъ поръ была только одно *предисловіе, введеніе* и что теперь только придется Вамъ вполне по силамъ сказать *новое слово, Ваше новое слово!* И потому смотрите на дѣло серьезно, глубже и больше восторга. А главное, — простоты и наивности больше. Да вотъ еще: пишите рифмой, а не старымъ русскимъ размѣромъ. Не смѣйтесь! Это важно: *Теперь рифма — народна, а старый русский размѣръ — академизмъ.* Ни одно сочиненіе бѣлыми стихами наизусть не заучивается. Народъ уже не сочиняетъ пѣсенъ прежнимъ размѣромъ, а сочиняетъ въ рифмахъ. Если не будетъ рифмы, (и не будетъ почаше хорая) — право вы дѣло погубите. Можете надо мной смѣяться, но я правду говорю! грубую правду!²¹

Писатель еще не знал, что свои рассказы из русской истории Аполлон Майков писал не в стихах, а в прозе. Поэту Майкову не удалось исполнить то, к чему призвал его Достоевскій, который умел писать поэмы в прозе (например, «Великий инквизитор» в «Братьях Карамазовых»).

Достоевскій мог бы написать эти былины из русской истории, но он создал лишь концепцію жанра и отдал свой замысел Майкову, который лишь отчасти исполнил общую для каждого идею. Никто, кроме Достоевского, не мог бы реализовать концепцію былины как нового литературного жанра, но соперничества с Майковым писатель не мыслил.

В его былинах нет богатырей, но есть подвиги обыкновенных людей. Их содержанием становились ключевые эпизоды и поворотные моменты русской и мировой истории, в которых обновлялось христианство, проявлялась русская будущность.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX вв.» (№ 34.1126).

¹ Ср.: «И тогда только очищается чувство, когда соприкасается съ красотою высшей, съ красотою идеала. Это соприкосновение съ красотою идеала есть и въ былинахъ нашихъ, и въ сильной степени. Тамъ есть удивительные типы Ильи-Муромца, и фантастическаго Святогора и проч.» — РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 26.

² Ср.: «Русский дух разлит в творениях Пушкина, русская жилка бьется везде. В великих, неподражаемых, несравненных песнях будто бы западных славян, но которые суть явно порождение русского великого духа, вылилось всё воззрение русского на братьев славян, вылилось всё сердце русское, объявилось всё мировоззрение народа, сохраняющееся и доселе в его песнях, былинах, преданиях, сказаниях, высказалось всё что любит и чтит народ, выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы» [6; 12, 303].

³ Письмо А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому за 1869 г. // НИОР РГБ. 93.П.6.43. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ В публикации этого рассказа дана рубрикация текста, отличающаяся от его развернутого заглавия: 1. «Взятіе турками Константинополя». 2. «Москва — Третій Римъ». 3. «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани». 4. «Завоеваніе Сибири». См.: Майковъ А. Изъ разсказовъ о русской исторіи. Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константинополя. Москва — третій Римъ. Покореніе, при царѣ всея Руси Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, мусульманскихъ царствъ: казанскаго, астраханскаго и сибирскаго // Заря. 1869. № 8. С. 1, 13, 22, 36. Орфографические разночтения вызваны недостатками корректуры в журнале.

⁶ Письмо А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому за 1869 год // НИОР РГБ. 93.П.6.43. Л. 5.

⁷ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 71–71 об.

⁸ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 18 февраля/1 марта 1868 года // Там же. Л. 33.

⁹ Письмо А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому за 1868 год // НИОР РГБ. 93.П.6.42. Л. 5 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 20 марта/2 апреля 1868 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 49.

¹² Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 71 об.

¹³ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 71 об.

¹⁴ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 72.

¹⁵ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 73 об.

¹⁶ *В рукописи: Могаметомъ*

¹⁷ *Так в рукописи.*

¹⁸ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 72, 72 об., 73.

¹⁹ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 73, 73 об.

²⁰ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 74.

²¹ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 15/27 мая 1869 года // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 73 об., 74.

Список литературы

1. Ветловская В. Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем) // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. — М.: Советский писатель, 1971. — С. 325–354.
2. Ветловская В. Е. Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор: вторая половина XIX века. — Л.: Наука, 1982. — С. 12–75.
3. Владимирцев В. П. Достоевский и русская этнологическая культура // Ф. М. Достоевский и национальная культура. — Челябинск, 1994. — Вып. 1. — С. 60–90.
4. Владимирцев В. П. Фольклоризм // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 125–128.
5. Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура: статьи. Очерки. Этюды.

- Комплекс ист.-лит. исслед. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. — 459 с.
6. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 208 с.
 7. Зябрева Г. А., Капустина С. В. Художественный концепт «богатырство» в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. — Т. 24 (63). — № 1. — С. 114–123.
 8. Капустина С. В. Богатырство как христианское служение в миру (на материале прозы Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) [Электронный ресурс]. — URL: http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e-books/visnyk_994/content/kapustina.pdf (20.08.2015).
 9. Капустина С. В. Феномен богатырства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. — Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Вып. 9. — С. 233–242.
 10. Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. — Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1994. — 313 с.
 11. Михнюкевич В. А. Былины // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 142.
 12. Михнюкевич В. А. Фольклоризм // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 123–125.
 13. Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор // Советская этнография. — 1934. — № 1–2. — С. 152–180.
 14. Gibian G. Dostoevsky's use of Russian Folklore // Slavic folklore: A symposium / Ed. by A. B. Lord; Philadelphia. 1956, vol. 3, pp. 262–270.

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ovzakh05@yandex.ru*

DOSTOEVSKY'S CONCEPTION OF THE BYLINA

Abstract. Dostoevsky's role in Russian folklore studies has been a research subject both for folklorists and literary scholars for a long time: in criticism,

they have determined the range of folklore sources, ideas, genres, plots, motives, topics the writer conveyed in his works. Among his creative inventions we should mention his original conception of the bylina as a folklore and literary genre. In his assimilation of folklore, Dostoevsky exceeded the bounds of the traditional interpretation of folklorism. He was the only one who pointed out such a characteristic of the bylina as contiguity “with the supreme beauty, with the beauty of the ideal”. The bylina expresses “the whole world view of the nation”, “its ideals of heroes, tsars, people’s defenders and patrons, images of valour, humility, love and sacrifice”. Relying on the folklore conception, Dostoevsky developed his conception of the bylina as a literary genre that could express the meaning of Russian history, the Russian outlook on life, the Russian idea. There are no bogatyr in his bylinas, but there are feats of ordinary people. They comprise the pivotal moments and landmark events of Russian and world history when Christianity was changing and the Russian futurity was emerging. In his opinion, such bylinas from Russian history “could be a great national book”, “could favour the revival of the Russian man’s self-consciousness”. Dostoevsky did not attain his aim; he only developed the conception of the genre and gave its literary example having enunciated the content of one of the bylinas in details. He passed his conception onto poet Maykov who could not implement their general creative idea. Despite the fact that there was no creative result, critics and poets should pay attention to the Dostoevsky’s conception of the bylina as a genre invention of the writer.

Keywords: folklore, epic, genre, Russian history, Dostoevsky, A. N. Maykov

References

1. Vetlovskaya V. E. Literaturnye i fol’klornye istochniki «Brat’ev Karamazovykh» (Zhitie Alekseya cheloveka Bozhiya i dukhovnyy stikh o nem) [Literary and folklore sources of “The Brothers Karamazov” (Life of Alexis the man of God and a spiritual verse about him)]. *Dostoevskiy i russkie pisateli. Traditsii. Novatorstvo. Masterstvo* [Dostoevsky and Russian writers. Tradition. Innovation. Skills]. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1971, pp. 325–354.
2. Vetlovskaya V. E. F. M. Dostoevskiy [F. M. Dostoevsky]. *Russkaya literatura i fol’klor: vtoraya polovina XIX veka* [Russian literature and folklore: the second half of the 19th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 12–75.
3. Vladimirtsev V. P. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul’tura [Dostoevsky and Russian ethnological culture]. *F. M. Dostoevskiy i natsional’naya kul’tura* [F. M. Dostoevsky and national culture], Chelyabinsk, 1994, issue 1, pp. 60–90.

4. Vladimirtsev V. P. Fol'klorizm [Folklorism]. *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and poetics. Dictionary]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 125–128.
5. Vladimirtsev V. P. *Dostoevskiy narodnyy: F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: stat'i. Ocherki. Etyudy. Kompleks istoriko-literaturnykh issledovaniy* [Folk Dostoevsky: Dostoevsky and Russian ethnological culture: article. Essays. Sketches. The complex historical and literary studies]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2007. 459 p.
6. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologiya i poetika* [The system of genres of Dostoevsky: a Typology and poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p.
7. Zybrev G. A., Kapustina S. V. Khudozhestvennyy kontsept «bogatyrstvo» v tvorchestve N. V. Gogolya i F. M. Dostoevskogo [The artistic concept of “epic heroes” in the works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»* [Scientific notes of Taurida national University. V. I. Vernadsky. Series “Philology. Social communication”], 2011, vol. 24 (63), no. 1, pp. 114–123.
8. Kapustina S. V. *Bogatyrstvo kak khristianskoe sluzhenie v miru (na materiale prozy N. V. Gogolya i F. M. Dostoevskogo)* [Epic heroes as Christian Ministry in a secular ambience (based on the prose of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky)]. Available at: http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_994/content/kapustina.pdf (accessed 20 September 2015).
9. Kapustina S. V. Fenomen bogatyrstva v traktovke N. V. Gogolya i F. M. Dostoevskogo [The phenomenon of bogatyrstva according to the interpretation of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2014. Vol. 12: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue. 9, pp. 233–242.
10. Mikhnyukevich V. A. *Russkiy fol'klor v khudozhestvennoy sisteme F. M. Dostoevskogo* [Russian folklore in the artistic system of F. M. Dostoevsky]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 1994. 313 p.
11. Mikhnyukevich V. A. Byliny [Epic poems]. *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and poetics. Dictionary]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 142.

12. Mikhnyukevich V. A. Fol'klorizm [Folklorism]. *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and poetics. Dictionary]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 123–125.
13. Pksanov N. K. Dostoevskiy i fol'klor [Dostoevsky and folklore]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1934, no. 1–2, pp. 152–180.
14. Gibian G. Dostoevsky's use of Russian Folklore. *Slavic folklore: A symposium* / Ed. by A. B. Lord; Philadelphia. 1956, vol. 3, pp. 262–270.

Дата поступления в редакцию: 25.08.2015